

МИФОЛОГЕМА ГЕРОЯ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕФОРМИРУЕМОЙ РОССИИ: К ПРОБЛЕМЕ ВИЗУАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ СЛАВЯНСКОЙ ФЭНТЕЗИ

Каждое поколение молодежи вырастает на примерах героев разного времени. Главное, чтобы герои были достойными подражанию. Склонность человека к подражанию была подмечена еще в мифологической фазе культуры, отчего мифология, по сути, становится «банком» концептуальных моделей индивидуального как социального поведения и общения, ставших универсалиями культуры. Не удивительно, что появление героических мифов – самых поздних в мифологии – конституировавших «модель» мужского поведения, становится генетической почвой для рождения «мифологемы героя» как образца для подражания, не имеющего ни временных (история), ни пространственных (культура) ограничений. С одной маленькой оговоркой: «мифологема героя», с удивительным постоянством «возрождающаяся» в каждой конкретно-исторической эпохе, порождает нужные этим эпохам типы героев.

В эпоху социокультурных трансформаций для России проблема мифологемы героя обретает особую значимость. Связь между ними обуславливается тем, что герой – есть образец существования индивида в условиях социальной нестабильности. И хоть современный герой отделился от политической власти, – он не утратил власть над умами молодежных масс, что позволяет говорить о необходимости включения проблемы героя в современное образовательное пространство. Здесь важным является тот факт, что «информационная революция», открывшая дорогу беспрепятственному распространению не столько «архетипов» добра, сколько «архетипов» зла, превращает мифологему героя в агента глобальной провокации.

В условиях социальной нестабильности переходной эпохи, когда поиск и осознание истины в большей степени ассоциирован с самосознанием субъекта, последнее порождает реальные риски – все зависит от того, какой образец героя формирует массовое молодежное сознание. Когда отсутствие общепринятых идеалов, принципов и норм не позволяет взрослому человеку обрести собственную идентичность, на первый план совершенно неожиданно может выдвигаться герой, вызревший на «почве» героических мифов и сохранившийся в фольклорных «текстах». Последние не только выполняют функции сообщения и передачи накопленных культурой артефактов, среди которых важное место занимала мифологема героя, но и становятся средством репрезентации социальной реальности.

Здесь объектом внимания становится славянская фэнтези, которая, возникнув на сломе культурных эпох XX – XXI ст., с одной стороны, берет на себя те же функции, что и традиционная для России вербальная форма

коммуникации – информационную (передача информации), экспрессивную (передача оценки информации) и прагматическую (передача коммуникативной установки, оказывающей нужное воздействие на получателя информации), с другой – «визуализирует» противоречивую сущность нарождающейся реальности, создавая многомерный «образ» социального самочувствия и героя-бунтаря. Именно поэтому к славянскому фэнтези следует подходить не только как к «социальному тексту» переходной эпохи, где сталкиваются мироощущения людей, испытавших «культурный шок» от сравнения «привычных» (типичных, стереотипизированных) и «навязываемых» (нетипичных, нестереотипизированных, «виртуальных») бытовых, психологических, духовных и исторических «контекстов» культуры, но и как к тексту, конструирующему «визуализируемый» – зримый – «образ» новой исторической, политической, культурной и социальной реальности.

Интерес вызывает тот факт, что в литературоведческой среде принято считать, что современная славянская фэнтези заполняет пустоту в художественном пространстве, образовавшуюся после распада Советского Союза и занимает в нем место, которое ранее отводилось детской литературе и научной фантастике. Однако даже беглый культурологический анализ позволяет утверждать, что славянская фэнтези, сложившаяся на постсоветском пространстве как жанр новой литературы, обслуживает не столько любителей фантастики, сколько современных «маргинально» мыслящих индивидов, отказавшихся от активной деятельности в реалиях новой социально-культурной реальности и действующих пассивно – через героев и антигероев – в «маргинальном» виртуальном пространстве, что способствует превращению славянской фэнтези, как уже не раз бывало в истории, в «ведущую тенденцию», конструирующую, корректирующую и даже намечающую перспективы развития общества. Но и это только отчасти. При ближайшем рассмотрении, в жанре современной славянской фэнтези можно рассмотреть несколько направлений:

– есть фэнтези, выстроенные на модели противостояния Добра и Зла как сюжетобразующей основе, взятой из фольклорной прозы традиционной «деревни», где все – и мотивы, и образы – «структурировано этически». (Как пример, в «исторических» формах фольклора – былинах, исторических песнях, сказках и поздних сказах – добро всегда сильнее зла и обязательно его побеждает, что формирует на уровне индивидуального и общественного сознания «мироощущение» созидания);

– есть и фэнтези, где Добро и Зло «равносильны»: добро с потерями побеждает зло или зло остается безнаказанным, что репрезентирует мироощущение индивидов 1) «не приемлющих» «проспективно» отмеченный оптимизм, созидающий Будущее, или 2) отстаивающих приоритетность вседозволенности «здесь и сейчас», разрушающей Настоящее без которого нет и не может быть Будущего. Такая славянская фэнтези, как правило, приближена к «городской» – парадигмальной – мифологии и городскому «примитиву» как гибридной («маргинальной»)

форме фольклора, возникшей на стыке деревенского и городского мироощущений в культуре городских «низов».

С другой стороны, при рассмотрении современной славянской фэнтези как виртуального «поля битвы» между традиционным – «своим» и наносным – «чужим», доминирующим в виртуальном пространстве современного «города», можно выделить две «классические» подгруппы – «историческую» и «героическую», сюжет и «визуализированные» образы которых «завязаны» на «славянском» фольклоре и мифологии. При их рассмотрении можно говорить о попытках авторов конструировать «альтернативную» историю и создавать мифологему нового героя, тяготеющего к «экстремизму, безответственному радикализму ... [и] развертывании[ю] социальных химерических утопий» .

Это означает, что настоящее, по мнению Ф. Броделя включающее «вчера», позавчера и «некогда», пропущенное сквозь призму мироощущения изменяющейся реальности, порождает реальное желание вырваться из настоящего в виртуальное прошлое-будущее. Об этом красноречиво свидетельствуют попытки авторов славянской фэнтези – через бегство от того «фантастического», что пришло в современную действительность – виртуально «переиграть» новейшую историю. А это значит, что с учетом влияния визуальных образов, порождаемых фэнтези, на сознание современного человека, его ценностные предпочтения и ожидания, всяческие попытки «институционализации» маргинальных художественных практик в целом и современной славянской фэнтези в частности, по умолчанию включенных в образовательное пространство, требуют самого серьезного культурологического, философского, литературоведческого, социологического и политологического анализа.

Литература:

1. *Айзенкоп Б.М.* Молодежная политика в Российской Федерации. – М., 2003.
2. *Солонин Ю.Н., Аркан Ю.Л.* Новый российский консерватизм в поисках своей идентичности // «Вече». Журнал русской философии и культуры. Выпуск 15 (2003).